

Елена Пестерева

НИКАКОЙ ЭКЗОТИКИ,
ПРОСТО ЛЮБОВЬ

Этот мой обзор будет про любовь. Я все думала, в каком порядке расставить книги: сперва о сексуальности, потом о любви, потом о семейной жизни, или сперва о любви, потом о семейной жизни, а там уж и о сексуальности, и нужна ли эта тематическая композиция. Решила, что не нужна, потому как порядок бывает любим, никакого порядка, в сущности, нет. Так что мы привычно начнем с нобелиата и закончим нон-фикшеном.

Марио Варгаса Льосу мы любили за очень страшный роман «Город и псы» (1963), за волшебный и страшный «Зеленый дом» (1966), за смешную и страшную «Тетушку Хулию и писаку» (1977). Когда в 2010 ему дали Нобелевскую премию «...за изображение структуры власти и яркие картины человеческого сопротивления, восстания и поражения», в литературном мире слышались реплики облегчения типа «ну, наконец-то кому-то дельному». Льоса дебютировал как драматург («Бегство Инки», 1952), но с 1963 года он пишет по одному роману каждые три, максимум, четыре года — и всякий раз это хороший роман.

«**Скромный герой**»¹ — роман с характерными для Льосы несколькими сюжетными линиями, и кто в нем самый скромный и самый главный герой — не так просто выяснить.

Худосочный Фелисито Янаке живет в Пьюре. У него есть нелюбимая жена, нелюбимый сын, любимая любовница, маленькая транспортная компания и девиз «Никогда не позволяй себя топтать, сынок!» Про любимую половину жизни дона Фелисито мы узнаем сразу и много: компания — дело всей жизни и плоть от плоти, любовница — городская шлюха младше его на 40 лет. Он снимает ей дом и оплачивает счета. Он хотел бы только, чтобы

¹Марио Варгаса Льоса. Скромный герой. Перевод с испанского Кирилла Корконосенко. СПб: Азбука, 2016, 384 с.

других мужчин в ее доме не было, но понимает, что вряд ли может на это рассчитывать. Интрига завязывается, когда дон Фелисито получает первую анонимку с требованием денег и обещанием разных горестей. Его контору сжигают, его Мабель похищают, но он не платит шантажистам ни сентаво.

Благородный Исмаэль Каррера — 82-летний миллионер из Лимы. У него есть нелюбимые сыновья и любимая экономка. Сеньор Каррера хочет жениться и лишить сыновей наследства, а они пытаются признать его выжившим из ума болваном.

Автобиографический мотив романа обнаружился только по прошествии времени. Книга вышла на испанском в 2013 году, а в 2015-м Варгас Льоса расстался с Патрицией Льоса, прожив с ней 50 лет в браке — ради отношений с Исабель Прейслер. Нет, у них не 40 лет разницы в возрасте. Вообще никакой экзотики, просто любовь.

Латино-американский страстный сериал кончается хорошо: дон Фелисито найдет шантажистов, а сеньор Каррера женится. Тут открывается второе дно романа.

Появится история жены дона Фелисито, молчащей, дебелой и набожной, с ее детством в публичном доме, с ее деспотичной мамой, с ее беременностью, поди пойми, от кого, и довольно жалким при таком ракурсе гордецом-мужем. В романе нет живого существа, которое бы ей сочувствовало хоть секунду.

Появятся дети сеньора Карреры, дети миллионера, которым незачем учиться, незачем работать, незачем любить, которые вообще не понимают, куда девать свои жизни, и тратят их самым плебейским, по нынешним модам, образом — на алкоголь, наркотики, секс и насилие. Сеньор Каррера хочет от них почтительности и, похоже, хотел одной только ее с самого их рождения. Вот и результат.

Скромный герой теневого сюжета — наш старый знакомый, эстет и эротоман дон Ригоберто («Похвала мачехе», 1988, и «Тетради дона Ригоберто», 1997). Он не сражается с мафиозной сетью и не крутит роман с юной красоткой. Он вообще уходит на пенсию. Он будет слушать диски с классической музыкой (европейской), рассматривать коллекцию гравюр и альбомов (европейских художников), перечитывать любимые книги (почти только европейских авторов). Островок цивилизации, где можно

укрыться от внешнего варварства. И вот еще мечта: поехать на месяц в Европу, с женой и сыном. Сын спрашивает его с вызовом, почему же он стал не европейским художником, а перуанским страховщиком, всю жизнь говорившим только о Европе. Дон Ригоберто признается: от трусости.

Возможно, авторский голос я расслышала неверно, но говорит он примерно так: дорогие перуанские мачо, вы колоритны, непобедимы и по-своему правы, но я от вас устал. Мечь, справедливость, отцовская строгость, преданность работе, предельная честность, стальная закалка — это все прекрасные вещи, но немножко дикие. Несколько лет жизни Льоса посвятил политике в надежде привести родное Перу к демократии. Но, проиграв в 1990 году во втором туре президентских выборов будущему диктатору Альберто Фухимори, эмигрировал в Англию. Поближе к европейскому гуманизму.

Традиция латиноамериканской прозы такова, что без мистицизма никак нельзя. В «Скромном герое» его мало, но он важен. Сын дона Ригоберто младше остальных «детей» романа, он подросток. Он рассказывает отцу о некоем сером господине, который подстерегает его в укромных и публичных местах и разговаривает с ним. Дон Ригоберто проходит все круги отцовского ада: серый господин — педофил, убийца, шантажист, маньяк, старый друг, галлюцинация, кто он, где он? Никто, кроме его сына, его не видит. Серый господин кажется приличным, но очень усталым и очень грустным. Он не делает и не предлагает ничего дурного. Он любит говорить о Боге и утверждает, что когда-то давно близко дружил с доном Ригоберто.

Психиатр и священник клянутся, что мальчик здоров и добр сердцем, что он не выдумывает серого господина назло папе. А хоть бы и выдумывает, грех невелик: трудно состязаться за отцовскую любовь, если против тебя вся европейская культура, а ты всего лишь подросток.

В теновом сюжете все тоже кончается хорошо, зачем же портить хеппи-энд. И последний манок прочитать книжку: сержант Литума снова с нами.

Самый страшный художественный текст обзора — про семейную жизнь **Уильяма Сарояна** с Кэрол Маркус. Сароян — легенда американской литературы XX века, лауреат Пулитцеровской

премии (1940) и премии «Оскар» (1944, за лучший литературный источник). **«Мальчики для девочек, девочки для мальчиков»**¹ (1963) — его последний роман и единственное крупное художественное произведение, ранее не переводившееся на русский.

Если верить Сарояну, мальчики существуют сами по себе. Идеальные мальчики рождаются на свет, чтобы жить тихо и уединенно в аскезе и идеальном порядке, круглосуточно работая на благо человечества, стяжая мировую славу и богатства. К сожалению, мальчикам нравятся девочки. Девочки же рождаются на свет, чтобы превращать простую и прекрасную мужскую жизнь в хаос шпилек, лаков, поцелуев и рыданий. Мальчики для девочек — чтобы их кормить, баловать, выигрывать им деньги на скачках, делать их беременными, любить, жалеть, бить, ненавидеть, мечтать избавиться от них хоть каким-нибудь способом. Девочки для мальчиков — чтобы жить за их счет, таскать их на светские рауты, рожать им прекрасных детей, бесконечно ревновать, устраивать сцены, висеть на них мертвым грузом, сводить их с ума, доводить до инфаркта. Так себе смысл жизни, правда?

Книжка, несомненно, шовинистская. Не знаю, станете ли вы читать ее теперь, но все же настоятельно рекомендую: семейный ад описан убедительно, крайне реалистично и крайне честно. Все, чего я хотела все двести пятьдесят шесть страниц, — это чтобы главный герой куда-нибудь дел свою невыносимую жену. Но он — нет, он с ней не развелся. А вот сам Сароян с Кэрол Маркус — о, да, развелся. Потом опять на ней женился. А потом опять развелся.

Еще один блестящий рассказчик драматичных семейных историй — американка **Энн Тайлер**. О ее «Катушке синих ниток» я рассказывала в «НЮ» (№4, 2016), с тех пор вышло еще два романа — **«Уроки дыхания»**² и «Случайный турист». Ее все еще мало знают и мало любят наши соотечественники, а мне все еще нравится ее читать, поэтому расскажу еще раз. Тайлер 76 лет. Она написала двадцать романов. Ее начали активно переводить на русский только сейчас.

¹Уильям Сароян. Мальчики для девочек, девочки для мальчиков. Перевод с английского Володимира Бошняка. СПб: Азбука, 2016, 256 с.

²Энн Тайлер. Уроки дыхания. Перевод с английского Сергея Ильина. М.: Фантом Пресс, 2016, 420 с.

«Случайный турист» — самый известный ее роман. Он экранизирован Лоуренсом Кэзданом («Турист поневоле», 1988), Джина Дэвис получила «Оскара» за лучшую роль второго плана. Так что рассказывать я буду про пулитцеровские «Уроки дыхания» (1988). Это тот же пролетарский Балтимор, что и в «Катушке», впрочем, Тайлер живет в нем с 1967 года и никуда оттуда не собирается, так что Балтимор стал общей декорацией ее прозы.

Супруги Моран едут на похороны приятеля. Это та же американская вечно кудахчущая домохозяйка 48 лет и тот же упрямый, холодный и вечно правый мужчина. На обратном пути Мэгги Моран решает заскочить на полчаса к бывшей невестке и быстро спасти брак своего сына, развалившийся шесть лет назад, — и нет, на этот раз никакого хеппи-энда.

Есть одна счастливая сцена: Мэгги ссорится с мужем на Первом шоссе, он уезжает, она стоит и слушает деревенскую тишину и птичек. Он находит ее в придорожном магазине, говорит из-за спины над ухом: «Эй, бэби, не желаешь прошвырнуться со мной на похороны?» — и она, не оглядываясь, проводит скулой по его плечу. Они же и правда едут на похороны. Но звучит, согласитесь, как «покуда смерть не разлучит нас».

Тайлер молча ставит зеркало перед американской семьей, перед идеей семьи, перед обществом упадка семейных ценностей и обществом разобщенности — зеркало высокого качества и с софитной подсветкой. Люди в мире Тайлер выдумывают желаемую реальность, потому что реальная кажется им досадным недоразумением на пути к всеобщему счастью — проще говоря, люди врут. Или режут правду-матку, мало сообразуясь с чувствами других, безобразно капризничают и выходят из диалога, хлопнув дверью. Люди в самом деле так живут, и не только в Балтиморе, тут Тайлер права. Необъяснимо только, почему мировая критика раз за разом приклеивает к ее прозе ярлыки «уютная» и «домашняя». Домашним — еще полбеды, но уютным этот мир никогда не был.

Чего вообще нет в теперешнем русскоязычном романе и чем особенно дорога Тайлер, так это неуловимым в своей естественности стилем. Это будничные истории, ставшие, благодаря художественности, произведениями искусства, и мастерская работа с характерами. Мне очень не хочется использовать слово «психологизм», его обычно используют при описании психотических

девиаций в духе Достоевского. Манера Тайлер не имеет к ним никакого отношения. Тайлер человечна, однообразна и хороша. По уверениям Апдайка, «не просто хороша, а фантастически хороша».

Итальянец **Алессандро Барикко** — писатель, сценарист, музыкальный критик, автор дюжины романов, переведенных на европейские языки, лауреат премии Виареджо, одной из главных и старейших итальянских литературных премий (за роман «Море-океан», 1993).

Барикко — большой эстет, взявшийся исследовать пределы стыдливости и порог интимного. До этого порога — интимного еще нет, за порогом — уже нет, там только скучная физиология, и эротизм в том, чтобы стоять на пороге. В старом интервью «РИА Новости» он говорил: «Мне по душе эта опасная игра: подстеги-ваешь эмоции до предела, еще чуть-чуть — и ты в полном дерьме, потому что получится какая-то индийская мелодрама. И вот тут, на самом краю, нужно уметь себя удержать, чтобы не впасть в дешевку. И открыть по-настоящему драгоценные моменты искусства». Смотреть на то, как Барикко балансирует на пороге, погружая читателя в сладостный транс, — блаженство. Роман «**Юная невеста**»¹ не столько читаешь, сколько плывешь в нем, как в эротическом сне.

Гипнотический текст полон медленного сновидческого абсурда, долгих перечислений, внезапных и бессмысленных дверей сюжета, раскрывающихся анфиладами с тупиком в конце, проходных персонажей с фантастическими историями жизни длинной в пару абзацев и — добавьте к этому! — фрагментов, где Барикко рассказывает о себе в дневниковой форме: как принимал в гостях бывшую любовницу, как купил билет на паром, как писал эту книгу и думал над финалом, как ходил к психотерапевту и о чем с ним молчал. Внутри одного абзаца речь может вестись от какого угодно лица и пола.

В произвольном месте романа бывшая любовница приходит в гости к Барикко, читает вот этот самый роман и говорит: слушай, а почему так много секса? Он отвечает: брось, в моих книгах

¹Алессандро Барикко. Юная невеста. Перевод с итальянского Анастасии Миролобовой. М.: Иностранка, 2016, 256 с.

всегда очень много секса. Она говорит: да, я помню, но тут его исключительно много даже для тебя, что происходит? Он говорит: я пишу о сексе — потому что о сексе сложнее всего писать. Это очень отрезвляющий фрагмент, в том числе и потому, что само слово «секс» присутствует в нем совершенно как в школьном учебнике, непорочное и стерильное.

Барикко решает давно сформулированную писательскую задачу: вернуть итальянской литературе слово и стиль (Слово и Стиль, если быть интонационно точной). Так что это не любовный роман, даже ярлык «притча» для него слишком груб, это двухсотстраничная метафора красоты, сексуальности и любви. Впрочем, сюжет, пусть минимальный, в ней тоже существует.

Давным-давно (даты нет, но, судя по нарядам и дворецкому, по итальянской торговле шерстью за рубеж, по добыче золота в Аргентине, по тому факту, что для установления связи с Англией в Англию надобно плыть — дело было давно) в одно безымянное и архетипическое Семейство (Отец, Мать, Дочь) явилась восемнадцатилетняя Невеста, чтобы выйти замуж за Сына. Баррико так и именует их, с прописной. Интрига в том, что Сын — в Англии, а может быть, уже и нет: он давно не шлет скупых писем «Все хорошо». Пока Сын странствует, Невеста его ждет — в высоком смысле слова, почти, как Пенелопа. «Ждет» стоило бы тоже писать с прописной, все слова в романе этого просят: Ночь, Утро, Завтрак, Дом, Плоть, Красота, Сон, Любовь, Сладострастие.

В ожидании своем Юная Невеста, непорочная к моменту прибытия, последовательно искушается страстями — ленью, праздностью, стяжанием, вожделением, унынием, гордыней. Всю книгу Барикко доказывает читателю, что только еда, сон, холод, дыхание и совокупление составляют жизнь — чтобы, когда мы уже смирились вполне с приматом плоти, в последних трех строчках признать, что есть на свете еще верность, вера, любовь (ну, тоже с прописной).

Тут бы можно рассказать о реверансах Барикко Сервантесу, Шекспиру, Гомеру и политеистическим пантеонам, где отец непременно и брат, и муж, где мать непременно и сестра, и жена. Но лучше я покажу вам реверанс Петронию Арбитру — описание завтрака Семейства, ликование моего сердца: «Тогда они высыпают из комнат, не одевшись, даже на радостях позабыв плеснуть водою в глаза, сполоснуть руки. С запахами сна

в волосах, на зубах, мы натываемся друг на друга в коридорах, на лестнице, на пороге комнат и обнимаемся, словно изгнанники, возвратившиеся домой после дальней дороги, не веря, что избежали тех чар, какие, нам кажется, несет с собой ночь. Необходимость сна разлучает нас, но теперь мы опять составляем семейство и устремляемся на первый этаж, в большую залу для завтраков, словно воды подземной реки, пробившись к свету, в предчувствии моря. Чаще всего мы делаем это со смехом. <...> Море, нам сервированное, это именно стол для завтраков — никому никогда не приходило в голову употреблять это слово в единственном числе, только множественному под силу воплотить их богатство, изобилие и несоразмерную длительность. Очевиден языческий смысл благодарения — за то, что освободились от бедствия, сна. Всё устраивают незаметно скользящий Модесто и два официанта. В обычные дни, не постные и не праздничные, как правило, подаются тосты из белого и черного хлеба; завитки масла на серебре, девять разных конфитюров, мед, жареные каштаны, восемь видов выпечки, особенно непревзойденные круассаны; четыре торта разной расцветки, вазочка взбитых сливок, фрукты по сезону, всегда разрезанные с геометрической точностью; редкие экзотические плоды, красиво разложенные; свежие яйца, сваренные всмятку, в мешочек и вкрутую; местные сыры и в придачу английский сыр под названием стилтон; ветчина с фермы, нарезанная тонкими ломтиками; кубики мортаделлы; консоме из телятины; фрукты, сваренные в красном вине; печенье из кукурузной муки, анисовые пастилки для пищеварения, марципаны с черешней, ореховое мороженое, кувшин горячего шоколада, швейцарское пралине, лакричные конфеты, арахис, молоко, кофе. <...> Можно теперь понять, каким образом трапеза, у большинства людей проходящая торопливо, в преддверии наступающего дня, в этом доме обретает вид сложной и нескончаемой процедуры».

В продолжение темы радостей плоти расскажу о «**Безгрешности**» **Джонатана Франзена**¹.

¹Джонатан Франзен. Безгрешность. Перевод с английского Леонида Мотылева и Любови Сумм. М.: Corpus, 2016, 736 с.

Его хакер-социопат Андреас Вольф — харизматичный, всемогущий законченный мерзавец и живой букет психиатрических диагнозов. Он в профиль Ассанж, анфас — Сноуден, снаружи доктор Джекил, внутри мистер Хайд, левой ногой — Гамлет, правой — Эдип. Он играет черными. На белой стороне доски — Пьюрити, Purity, Чистота — 23-летняя святая простота из американской глуши, ни дома, ни бойфренда, ни карьеры, только 130 тысяч долга, маловменяемая мама и высокие моральные ценности. Пьюрити хочет с помощью Вольфа найти папу (да, вот так сентиментально). Вольф хочет с помощью Пьюрити возродиться к лучшей жизни (да, вот так в лоб).

Эта простая канва дает возможность Франзену рассказать несколько историй на любимые темы: эксцентрические матери (Клелия, Анабел, Катя) против инфантильных сыновей; мир мужского насилия (харизма, власть, деньги) против радикального феминизма (пафос, безгрешность, навязчивость); здоровый супружеский секс против мучительно-сладких половых извращений; честная журналистика против воровства; светлая американская модель (трудолюбие, открытость, сердечность) против мрачных глубин европейской души (паранойя, нарциссизм, депрессия).

Читатель волен выбирать по сердцу, но как автор Франзен депотичен: белые начинают и выигрывают, это роман о тотальной победе добра над злом. Зло обаятельно и его ужасно жаль. Добро утомительно, и только.

После «Поправок» (2001) Франзена в России любят. Редкий случай, поисковик выдает много пресс-релизных рецензий на «Безгрешность». И, похоже, от любви Захар Прилепин сравнил его с Толстым, а «Афиша» нашла в «Безгрешности» Достоевского и Булгакова на том основании, что в романе есть отрубленная голова. Голова и в самом деле есть. Но голова Миши Берлиоза — не единственная в мировой культуре подается на блюде, в контексте романа это, вы удивитесь, бедный Йорик.

«Безгрешность» в самом деле можно рассматривать под каким угодно углом. Как книгу об интернете, и книгу о современной Америке, и книгу о добре и зле, и даже как «самую русскую книгу». Tabula rasa романа — одновременно и его слабость, и сила. Предлагаю для разнообразия рассмотреть сюжеты романа как

модель психосексуального развития человека: сценам секса отведена примерно треть семисотстраничного текста, так почему бы и нет. Тогда олицетворением оральной фазы будет Вольф с его помешательством на маме и оральном сексе, а анальной — Клелия, мучимая прямой кишкой, и ее мама, мучившая своим желудком всю семью и двоих офицеров СС. В фаллической фазе осталась великий и неудавшийся режиссер Анабел с ее бесконечным фильмом о собственном теле (за десять лет она сняла горы авангардистских черно-белых лент, но дошла от пальцев правой ступни только до правого колена), а в латентной — Пьюрити, героиня, приверженная несексуальным целям (карьера, образование, долги, недвижимость, мораль). И, наконец, генитальную фазу отдадим счастливой паре Тома и Лейлы — кажется, под зрелыми сексуальными отношениями Фрейд понимал то, что происходит именно с ними.

В жанре нон-фикшн в номинации «самая страшная книга о семейной жизни» побеждают переизданные дневники графини Толстой¹. Их не переиздавали несколько десятилетий, а истории о том, как жить не надо, время от времени полезно освежать в памяти. «Я люблю его и для меня ничего, ничего не осталось, кроме него», — пишет юная графиня Толстая в первые годы брака, осознавая: «...я не умею дела себе создать. <...> Одною любовью не проживешь». Не надо хотеть, чтобы другой человек принадлежал тебе полностью, — этому желанию не суждено сбыться. Не надо удерживать рядом любой ценой — это превращает жизнь в пытку. Не надо приносить жертв — это слишком дорого стоит домашним, и всех очень жаль. Чем графиня старше, тем чаще звучит мотив: «Пролежала полтора суток в постели, без еды, без света, в темной комнате, без мысли, без чувства, без любви и ненависти, испытала могильную тишину, безжизненность и мрачность. Ко мне заходили все, но я никого не любила, ни о чем не жалела, ничего не желала, кроме смерти». Ни брачный невроз, ни депрессия, ни истерия не доказывают любви, но ведь и не отменяют ее.

Об идеальной любви есть мемуары Бориса Мессерера «Промельк Беллы»², публиковавшиеся в «Знамени» в 2011 году. Ахма-

¹С.А. Толстая. Дневники. 1862-1910. М.: Захаров, 2017, 688 с.

²Борис Мессерер. Промельк Беллы. Романтическая хроника. М.: Редакция Елены Шубиной, 2016, 848 с.

дулина умерла осенью 2010-го. За шесть прошедших лет Мессерер написал воспоминания о сорока годах общей жизни, расшифровал надиктованные Ахмадулиной рассказы о детстве и времени до их знакомства, создал премию ее имени, установил памятник на берегу Оки — шесть лет продолжения любви. Понятно, что, кроме Ахмадулиной, в книге есть война и эвакуация, балет и театр, советский и антисоветский бомонд и дыхание эпохи, но все же, все же. Это право — увековечивания и служения — традиционно предоставляется писательским женам, и Мессерер в такой роли — фигура уникальная.

Двойной данью памяти стали заметки о литературных вдовах России и об Иосифе Бродском — «Без купюр» Карла Проффера¹, только что, через много лет после его смерти, изданные Эллендеей Проффер. В них, не пугайтесь провокативного названия, почти нет историй о том, кто с кем спал, — их писал литературовед-славист. В них есть удивление американского профессора перед советской действительностью и попытки быть переводчиком этой действительности для американских читателей. Есть сундучок хранимых Бриками сокровищ с неопубликованной на тот момент рукописью Пастернака «Сестра моя — жизнь», чрезмерно откровенная Л.Ю. и Катанян, кричащий с кухни: «Лиля, перестань!» Есть три вдовы Булгакова, о которых сказано удивительное: «У Булгакова были три хорошие жены. Но, хотя никаких специальных усилий не предпринималось, чтобы держать эту трилогию в секрете, во время нашей первой научной поездки в 1969 году знатоки единодушно держались мнения, что у Булгакова была одна жена, Елена Сергеевна Булгакова».

Жемчужиной «вдовьей сети» для Профферов была, разумеется, Н.Я. Мандельштам. Лучшая история мемуара с ее участием переполнена любовью человеческой и литературоведческой. Звучит она так: «Самый важный наш подарок Н.М. нам вернула. К концу нашего пребывания в 1969 году мы приобрели у хорошего русского приятеля, великого собирателя книг, <...> первое издание первой книги Мандельштама “Камень” (АКМЕ, 1913, 500 экз.). Наш приятель привык иметь дело с редкими книгами, но подчеркнул, что этот “Камень” — действи-

¹Карл Проффер. Без купюр. М.: Corpus, 2017, 288 с.

тельно что-то особенное, невероятная редкость... Мы подумали, что это будет хорошим прощальным подарком Н.М. Когда мы отдали ей книжку в кухне, она улыбнулась, сказала что-то в том смысле, что не видела ее много лет, задумчиво полистала, прочла несколько строк вслух, а затем сказала: “Знаете... я знаю все это наизусть. Заберите ее — вы получите удовольствия больше, чем я”. // Никто из нас не знал тогда, что в эту минуту родился “Ардис”».

Пожалуй, на том и закончим.

